

А. В. Курьянович

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ В. П. АСТАФЬЕВА)

Статья посвящена рассмотрению синкретичной жанрово-стилевой природы публицистических текстов, имеющих формат письма, особенностей реализации ими категории социальной оценочности и агитационно-воздействующей функции. Материалом исследования выступает эпистолярное наследие русского писателя-публициста В. П. Астафьева.

Ключевые слова: жанр, стиль, эпистолярный жанр, публицистический стиль, эпистолярный текст, эпистолярный дискурс, эпистолярная публицистика.

Речевые произведения в формате письма (Н. И. Белунова, Н. Ю. Бусоргина, Т. Н. Кабанова, Н. А. Ковалева и др.) всегда активно использовались в обществе. Эпистолярный жанр, востребованный и в современной практике межличностной и социальной коммуникации, постоянно эволюционирует, претерпевая изменения вслед за переменами в жизни социума: «Как и любой вид человеческой деятельности, переписка развивалась постепенно по мере развития общества, приобретая определенные черты этого общества и впитывая дух соответствующего времени» [1, с. 6].

Изначально характеризуясь принадлежностью к зоне разговорной речи, эпистолярный жанр способен переходить из стиля в стиль, из одной сферы коммуникации в другую, при этом трансформироваться и «приспосабливаться» к требованиям «неродной» для него дискурсивной ситуации. Смена сферы функционирования жанра рождает вторичные жанры, являющиеся онтологически производными от первичного, репрезентированного в разговорной коммуникации. В подобных случаях наблюдаются процессы «обработанности» жанра письма в соответствии с требованиями «вторичного» дискурса и появления в результате такого «стилистического редактирования» речевого продукта иной жанрово-стилевой маркированности [2].

Публицистическую сферу коммуникации можно считать в определенной степени органичной для эпистолярных речевых произведений. Эпистолярная форма в целях решения «публицистических» задач (обращение к адресату с призывами, размышлениями, выражение чувств и оценок по поводу социально значимых вопросов, влияние на формирование общественного мнения) используется давно (переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского (XVI в.), письма протопопа Аввакума (XVII в.), «Философические письма» П. Я. Чаадаева (1829–1831 гг.), письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю (1847 г.) и пр.).

Характерные для публицистических текстов черты (персонализированный и эмоциональный ха-

рактер, письменная форма бытовая, широкий тематический диапазон, воздействующая и информативная функции, сочетание экспрессии и стандарта и пр.) (С. М. Гуревич, Л. Г. Кайда, Г. Я. Солганик, Т. В. Чернышова и др.) в известной степени свойственны и эпистолярному тексту (далее – ЭТ). Однако, попадая в публицистическую сферу коммуникации, письмо перестает быть просто средством общения, становясь инструментом эффективного воздействия на широкий круг читателей, побуждения к определенной модели поведения. Публицистический ЭТ обретает новое «звучание», начиная подчиняться задачам публицистической коммуникации. Главной из них является оценка явлений действительности с социально-политических позиций, что проявляется в наличии такой текстовой категории, как *социальная оценочность*.

Появлению подобных речевых произведений в сфере печатной публицистики способствовало совершенствование форм личной и деловой переписки в результате приспособления последних к условиям массовой коммуникации. ЭТ, попадая на страницы периодических изданий, приобретают статус *опубликованных*, утрачивают свой частный характер. В связи с этим происходит смещение акцентов в тематике писем в сторону вопросов, значимых для общества в целом, а адресатом выступает массовая аудитория читателей.

При рассмотрении эпистолярно-публицистических текстов в диахронии (А. И. Акопов, С. Д. Гурвич-Лицинер, Е. П. Прохоров, А. А. Тертычный и др.) эпистолярный жанр можно назвать одним из старейших и самым «адресным» в русской публицистике. Использование письма в СМИ, как правило, мотивировано ситуацией «вмешательства» с целью исправить сложившееся положение дел, признанное со стороны автора нежелательным. Письмо можно назвать особым жанром публицистики, имеющим форму личной переписки, но адресованным массовому читателю. Письма представляются способом обращения к широкой аудитории, выступая в качестве своеобразной «эпистолярной кафедры» (Д. С. Боровиков).

Как отмечает А. А. Тертычный, возможность письма быть не просто средством общения, но и инструментом эффективного воздействия на широкий круг читателей предопределяется рядом причин. В их числе исследователь называет: наличие психологической установки и стереотипа восприятия на максимальную степень искренности самовыражения коммуникантов в письме, а также достоверности сообщаемой информации, что обуславливает отношение к ЭТ в ключе доверительности, эмпатии, толерантности; проявление автором в тексте письма предельного субъективизма, выступающего мощным средством прагматического воздействия; ссылку на конкретного адресата, в разы повышающую эффективность коммуникации; «индуцирование» письмом ситуации свободного диалога, открытого публичного обсуждения, мотивирующего появление «некой интриги», что способствует «подогреванию» интереса к газетному/журнальному изданию, повышает его рейтинг на рынке печатных СМИ [3].

А. И. Акопов отмечает «разнообразие и синтетичность» жанра письма, функционирующего в рамках публицистического дискурса, а также его «уникальную способность к перевоплощению в другие жанры» [4, с. 12].

Типологическая парадигма эпистолярно-публицистических текстов объединяет, на наш взгляд, жанры *открытого письма* (к конкретным адресатам), *безадресного письма* (к группе неназванных адресатов), *письма в редакцию*. По силе прагматического воздействия наиболее заряженным нужно считать ЭТ в жанре *открытого письма* – письменного обращения конкретного лица/группы лиц, объединенных общей целью на основании какого-либо признака (профессиональных интересов, возрастного, образовательного критерия, принадлежности к национальности, социальной группе), к конкретному лицу/группе лиц – представителям официальной власти. Суть письма – выражение императивного (требования, просьбы), оценочного (мнения) или информативного суждения относительно остро стоящей в обществе проблемы и привлечение внимания к ней широкой общественности. *«Безадресное» письмо* отличается меньшей степенью прагматического «напряжения», поскольку отсутствие конкретно названных адресатов заметно нивелирует остроту заявленной проблематики. Цель данного речевого произведения – вынести на обсуждение широкой общественности насущный вопрос. *Письмо в редакцию* представляет собой оформленную в виде законченного текста рефлексию автора на определенный факт из реальной действительности. Это отклик на материал, посвященный актуальной теме, либо суждение автора, привлекающее внимание редакции и общества к проблемной ситуации.

Основная задача автора эпистолярно-публицистического текста – убедить адресата в правильности высказанной позиции, в необходимости скорейшего решения обозначенной в письме проблемы. Это требует от автора умения убеждать собеседника, разбираться в психологии личности и межличностных взаимоотношений, иметь практические и теоретические наработки по вопросам информационного воздействия, знать историю вопроса, уметь анализировать уже предпринятые для решения ситуации шаги, представлять реальные возможности изменения ситуации в лучшую сторону.

Эпистолярный русский писателя и публициста В. П. Астафьева в жанрово-стилевом отношении квалифицируется нами как *художественно-публицистический* вариант текстовой реализации коммуникативной модели ЭТ. К письмам Астафьева вполне применимо понятие, появляющееся в одном из его писем, в котором речь идет об одном современнике-журналисте: *«Автор этой статьи-письма...»* (выделено мной. – А. К.) [5, с. 762].

Присутствие *публицистической* составляющей в стилистической характеристике эпистолярия Астафьева обусловлено рядом причин частного и общего характера. К первым относится признаваемый всеми учеными факт формирования в 1970–1980-х гг. и утверждения в 1990-х гг. в творчестве В. Астафьева устойчивой тенденции к публицистичности в изображении жизни и соответствующих форм репрезентации этого стилистического свойства в прозе, как художественной, так и эпистолярной. Данная тенденция обусловлена в первую очередь характерными чертами концептуальной картины мира писателя, философией человека фронтового поколения, особенностями его биографии и склада личности. Причины общего характера – это существование «публицистической» тенденции в русской литературе вообще (сатиры Кантемира, журналистика Новикова, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, «Не могу молчать» Толстого, творчество Салтыкова-Щедрина) и художественно-публицистического начала в русском реализме XX в. в частности.

В связи со сказанным можно сделать вывод о *синкретизме* жанрово-стилевой природы произведений Астафьева 1990-х годов в целом, включая эпистолярный: «В публицистике и в художественной прозе Астафьева ярко выражается взаимодействие разных стилиевых начал, возникают новые эстетические качества и расширяется художественное пространство. Это происходит за счет усиления публицистичности и благодаря ее индивидуальной природе – силе астафьевской искренности, подлинности его боли и чувства ответственности за человека и за народ» [6, с. 8]. Анализ художествен-

но-публицистического эпистолярия Астафьева в стилистическом отношении актуализирует понятие «*писательская публицистика*». По мнению М. В. Малаховской, Астафьев создает свои произведения «на путях необычного по емкости жанрового синтеза, совмещая в едином потоке авторской речи документально-хроникальные, романские, религиозно-философские, публицистические начала. Несущей художественной опорой, основой этого синтеза является пафос авторского участия в повествовании» [там же, с. 12–13].

Однако стоит заметить, что в способах изображения образа автора в художественном и публицистическом текстах есть некоторые особенности. «В отличие от художественной литературы автор публицистического текста – конкретная личность, подлинный, реальный, “частный” человек. Отсюда документальность, эмоциональность, субъективность публицистической речи» [7, с. 314]. Этим публицистика сближается с эпистолярием. Автор рассматриваемого эпистолярия – писатель, глубоко задумывающийся над актуальными проблемами современности. Астафьев расценивает свое творчество, включая эпистолярную его составляющую, как трибуну, с которой выступает он – «человек, вершащий суд, расставляющий безапелляционные оценки, ...размышляющий, наблюдающий, выражающий свои чувства и мысли» [там же]. Адресант – «человек социальный, что обуславливает социально-политический, социально-оценочный подход к явлениям действительности, т. е. широкое привлечение приемов риторики, теории аргументации, полемики...» [там же]. Образ автора ЭТ рассматриваемого дискурса – образ *автора-проповедника*. Публицистический текст отличается от художественного своей «открытой оценочностью», когда «не подтекст, а сам текст вполне определенно выражает авторское отношение к излагаемым фактам. Все это находит отражение в характере речи, в ее стиле» [8, с. 186].

Соотношение собственно эпистолярной и публицистической составляющих в стилистической характеристике ЭТ Астафьева определяется особенностями коммуникативной ситуации, в том числе авторской целевой установкой, тематико-событийным контекстом, фактором адресатной направленности, жанровой природой текста. На основе комплексного коммуникативно-прагматического анализа эпистолярия писателя можно сделать вывод о доминировании в его синкретичной жанрово-стилистической природе *публицистического* начала. Отдельные письма Астафьева (например, письмо от 5 мая 2000 г. в газету «Вечерний Красноярск» [5, с. 836–837]), имея канонический эпистолярный формат, целиком могут представлять публицистические тексты, отличающиеся от оригинальных,

эпистолярных, содержательно и стилистически. Эти письма, как правило, квалифицируются в качестве *открытых* и обращаются к коллективным, официальным адресатам. В посланиях личного характера к конкретным адресатам, выдержанных в жанре *частного письма*, публицистические вставки возможны разной степени протяженности.

Каковы способы вербальной репрезентации публицистической составляющей в жанрово-стилевой природе ЭТ В. П. Астафьева?

В соответствии с требованиями стилового канона в речевой организации публицистического текста наблюдается явление *многогостильности* лексических средств. Выполнение данного условия в письмах Астафьева продемонстрируем на примерах.

В огромном количестве в ЭТ писателя разных лет, обращенных к разным корреспондентам, присутствуют *стилистически сниженные* единицы. Например, лексемы со стилистическим оттенком *разговорности*: «для современных писателей-олухов» [5, с. 547] («олух» – «глупый, непонятливый человек, дурак» (разг.) [9, с. 452]), «22-го Марье Семеновне **брякнуло** 70 лет» [5, с. 560] (здесь переносное от «брякать» в значении «производить шум» (разг.) [9, с. 61]), «**Допекла** и ее жизнь, **доконала** партийная демагогия» [5, с. 562] («доконать» – «окончательно погубить, уничтожить» (разг.) [9, с. 172], «допечь» – «то же, что донять» (перен., разг.) [там же, с. 175]) и пр.

В связи с выполнением ЭТ Астафьева воздействующей функции, характерной в целом для текстов публицистической сферы, с особым стилистическим заданием в них употребляются *просторечные* слова: «...это именно подачка – большие слов, чем **харчей**, хотя и прикреплен к магазину» [5, с. 545] («харчи» – «еда, пища» (прост.) [9, с. 860]), «Но тут заставил себя, взял себя за чуб и ткнул себя **мордой** в бумагу» [5, с. 555] («морда» – «то же, что лицо» (прост.) [9, с. 365]), «**что-то она, Москва наша милая, совсем одурела**» [5, с. 566] («одуреть» – от «дуреть», т. е. «приходить в состояние одури» (прост.) [9, с. 182]) и др. Отметим, что в количественном отношении просторечные единицы преобладают над разговорными.

Часто стилистические оттенки разговорности/просторечности дополняются признаками, репрезентирующими оценочное отношение автора к описываемому. Как правило, у Астафьева это стилистические смыслы, относящиеся к негативному коннотативному регистру. Например: «**жизнь испаскудилась**, народ отупел от нищеты» [5, с. 548] («испаскудилась» – от «паскудный», т. е. «мерзкий, гадкий» (прост., бран.) [9, с. 495]), «**О Господи! Уж не по делу ли он карает наш народ, превращенный в шпану?**» [5, с. 559] («шпана» – «мелкие жулики и хулиганы» (прост., презр.) [9, с. 900]) и пр.

Отмечены случаи использования в письмах такого пласта внелитературной лексики, как *арго-тизмы*, например: «Не уверен, что письмо до президента дошло – такая **хевра** его окружает, со стороны культуры в частности, что не приведи Бог» [5, с. 795]. «Хевра» здесь – «группа воров (2–3 человека), во время кражи помогающие друг другу» [10].

Другим проявлением использования Астафьевым внелитературной лексики выступает активное привлечение *слов-инвектив*, имеющих в своем значении крайне негативные оценочные признаки, направленные адресатам: «Как и во всем обществе, среди ветеранов есть и **сволочи** – они и на фронте были **сволочами, шакалами, но достойных людей больше**» [5, с. 546], «пока еще современные **дебилы** все не спалили и не срубили» [5, с. 555], «Но разве вы не видите по телевизору, что дума наша и без того перегружена **психопатами, фашистствующими молодчиками** и просто **дураками?**» [5, с. 635] и пр.

В качестве проявления публицистической многостильности рассматриваем присутствие в письмах Астафьева лексем, имеющих в словаре пометы «устар.» или «высокое»: «... и я воочию **узрел**, что такое **конец света**» [5, с. 555] («зреть» – «видеть, смотреть» (устар.) [9, с. 233]), «жизнь **ввергает** людей в отчаяние и злобу» [5, с. 769] («ввергнуть» здесь – «погрузиться в отчаяние и злобу» (устар. и высок.) [9, с. 70]).

Образные средства, активно привлекаемые автором, в большинстве случаев имеют явную политическую направленность. Такова, например, *политическая метафора* как инструмент осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на общественное сознание [см. работы А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, Э. В. Будаева, А. П. Чудинова, Ю. Б. Феденевой, Е. И. Шейгал и др.]. Приведем примеры из писем разных лет, адресованных разным корреспондентам: «Вот предвыборная вакханалия началась» [5, с. 712], «Чего нас, их и всех россиян ждет? Президентские выборы? Целая рота претендентов выстраивается! Вот так бы в пахари рвались мужики, как рвутся они к власти или в ансамбли орущих придурков» [5, с. 730], «делаем атомную свалку в Сибири» [5, с. 602].

Политическая метафора может принимать в ЭД Астафьева развернутый характер, например: «Перед ними пустыня, а сзади выжженная земля, кровь и кости убитого ими народа» (о коммунастах) [5, с. 582].

В основе *сравнения* также часто наблюдается сопоставление явлений, фактов, понятий, предметов, имеющее политическую, идейную подоплеку: «невежество... заедает, что тифозная вша» [5,

с. 625], «Во, блин, боролись за свободу, получили ее сверху, а она не наша, не нами добытая и оскалилась, аки вольный голодный зверь» [5, с. 858].

Большинство эпитетов также можно охарактеризовать как политические: «народ наш много-страдальный» [5, с. 551], «из нашей забедованной и замордованной земли» [5, с. 571], «Ах, какое все-таки у нас скотское отношение к человеку. Везде и всюду!» [5, с. 648].

Отдельно необходимо сказать о том, что публицистика в формате эпистолярная у В. Астафьева имеет *сатирическую* направленность. Здесь используются все разновидности комического – от легкой иронии («российская бюрократия, лучшая в мире» [5, с. 795], «как крепка и вечна русская бюрократия, при посредстве компьютеров и прочих машин достигшая небывалого совершенства» [5, с. 800], «Но будем жить, радоваться остатним летам и солнышку, ждать победы на футбольных полях, ибо на полях разума по просторам российским ждать уже нечего» [5, с. 725]) до мрачного сарказма в большинстве случаев: «И вообще, в живых остается все меньше и меньше бывших фронтовиков. Скоро мы, спасители милого Отечества, совсем его освободим от забот о нас, и тогда общество наше дорогое вздохнет с облегчением – нет больше надоедливых стариков» [5, с. 568], «А я ведь с писательского съезда угодил и на депутатский, от литературной шпаны переключился на шпану не менее отвратительную, на политиканствующую... шпана орет, рубахи дерет и криво завязанный пуп царапает, совершенно уже никого не слыша и не понимая, для чего и зачем орет-то?» [5, с. 575].

В числе использованных Астафьевым стилистических ресурсов публицистики следует назвать словообразовательные средства, например, активность *суффиксального способа словообразования*. В тексте слова, образованные подобным путем, выполняют ряд функций: эмоционально-оценочную, когнитивную, воздействующую, функцию самопрезентации автора: «Трудящиеся тащили с пожара **добришко**», «загорелся какой-то **барачишко**» [5, с. 559], «Магазины и магазинчики по всем улицам» [5, с. 565], «народишко нашему неразумному» [5, с. 739].

Из синтаксических средств, характерных для идиостиля Астафьева в его эпистолярном варианте, выделим, во-первых, *однородные члены предложения* («А каково-то целому народу, богато одаренному, доброму, выдерживать страдания всяческие, муки, унижения, и все оттого, что его злят, как собаку, то костью дразнят, то палкой бьют. Вот и добились, доунижали, дотоптали – сам себе и жизни не рад народ русский» [5, с. 585]); во-вторых, *риторические вопросы* и *восклицания* («А те-

перь? Где мы? Где дети? Что с ними? Что с нами? Господи, какой конец-то у двадцатого, так хорошо начинавшегося века! Ведь погибает и сами того понять не можем, и оттого гибели не страшимся» [5, с. 592]); в-третьих, инверсию («нынешние дети... забалованные, ленью и инертностью пораженные» [5, с. 622]).

Таким образом, синкретизм жанрово-стилевой природы эпистолярия В. П. Астафьева определяет расширение его функциональных возможностей. Появление в русском эпистолярном дискурсе по-

добного рода текстов объясняется как особенностями личности писателя, его картины мира и идиостиля, так и существованием традиций художественной и эпистолярной публицистики в национальном литературном процессе. Изучение публицистических текстов в формате письма открывает новые перспективы в исследовании эпистолярного как особой коммуникативной практики, обогащая освещением новых аспектов теорию публицистических текстов и функциональной стилистики в целом.

Список литературы

1. Силаева Н. В. Лингвопрагматический анализ экспрессивности эпистолярного текста (на материале английской частной переписки XVIII–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 1999. 22 с.
2. Курьянович А. В. «Фигура умолчания» в системе функциональной стилистики: к вопросу определения стилистического статуса эпистолярного // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 6 (96). С. 84–88.
3. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. 312 с.
4. Акопов А. И. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция. Статья: учебно-методическое пособие. Ростов н/Д.: Изд-во Института массовых коммуникаций, 1996. С. 12–28.
5. Астафьев В. П. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. М.: Эксмо, 2012. 896 с.
6. Малаховская М. В. Формы и функции публицистичности в поздней прозе В. П. Астафьева: 1980–1990-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 19 с.
7. Солганик Г. Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 312–315.
8. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1993. 224 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2001. 944 с.
10. Словарь тюремного апро. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/jar/h/xevra.html>

Курьянович А. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 14.01.2013.

A. V. Kurjanovich

THE GENRE AND STYLISTIC FEATURES OF RUSSIAN EPISTOLARY PUBLICISM (BASED ON THE LETTERS BY V. P. ASTAFYEVA)

The article is devoted to the syncretic nature of the genre and style of journalistic texts with letter format, implementation details of categories and social value of agitation and affecting the function. The material research is the epistolary heritage of the Russian writer and publicist V. P. Astafieva.

Key words: *genre, style, epistolary genre, journalistic style, epistolary text, epistolary discourse epistolary essays.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru